

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 400–407

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 400–407

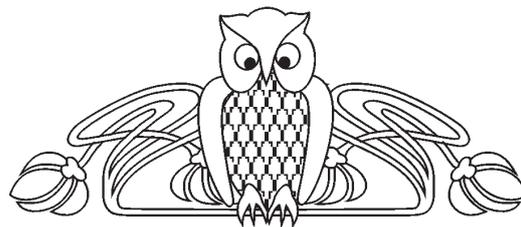
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-400-407>, EDN: EIMYIS

Научная статья

УДК 821.161.1.09-94|1946/1968|+929Федин

Серапионы на страницах дневников К. А. Федина 1946–1968 гг.

М. В. Григорьева

¹Государственный музей К. А. Федина, Россия, 410002, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 154

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Григорьева Мария Валерьевна, ¹директор, ²аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, maria.grig2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0580-6348>

Аннотация. Дневники К. А. Федина, относящиеся ко времени активной деятельности литературного содружества «Серапионовы братья» (1921–1924 гг.), не сохранились. Поэтому материал для изучения жизни как группы, так и ее отдельных участников исследователи находят в эпистолярном наследии писателя. И практически не обращаются к дневникам более позднего периода, очевидно, считая, что после 1929 г. серапионы как явление окончательно исчезли из литературной жизни. Однако на страницах дневников Федина 1946–1968 гг. «серапионовская» тема по-прежнему находит отражение. Интересны рефлексии уже признанного мастера пера по поводу творческих проблем, волновавших всех «братьев» на заре их писательской юности, «общие» упоминания о серапионах в контексте актуальных размышлений о литературе и искусстве. Но на первый план в дневниках рассматриваемого нами периода выходят отдельные писатели, связанные общим «братским» прошлым. В первую очередь это Вс. Иванов, Н. Тихонов, М. Зощенко, В. Каверин, М. Слонимский, Н. Никитин. Каждый из них – это объект пристального внимания Федина, отзывающегося на все личные и творческие события в жизни «братьев». В настоящей статье представлены материалы, в том числе не публиковавшиеся ранее, позволяющие проследить, какое место на страницах дневников Федина 1946–1968 гг. занимают серапионовы братья, включить эти упоминания в контекст развития взаимоотношений писателей – бывших участников группы, определить степень влияния этого литературного явления на жизнь Федина.

Ключевые слова: К. Федин, серапионовы братья, дневник писателя, эго-документы, Вс. Иванов, Н. Тихонов, М. Зощенко, В. Каверин, М. Слонимский, Н. Никитин, советская литература

Для цитирования: Григорьева М. В. Серапионы на страницах дневников К. А. Федина 1946–1968 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 400–407. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-400-407>, EDN: EIMYIS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Serapion brothers on the pages of K. A. Fedin's diaries of 1946–1968

M. V. Grigorieva

K. A. Fedin's State Museum, 154 Chernyshevskogo St., Saratov 410002, Russia

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marya V. Grigorieva, maria.grig2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0580-6348>

Abstract. K. A. Fedin's diaries related to the time of the intense activity of the literary community "Serapion brothers" (1921–1924) have not been preserved. Therefore, the material for the studies of the life of the group as well as of its separate members is obtained by the researchers in the epistolary legacy of the writer. The researchers hardly ever refer to the diaries of the later period, apparently believing that Serapion brothers entirely disappeared from the literary life after 1929. However, the Serapion theme still figures on the pages of Fedin's diaries of the 1946–1968. It is of interest how the already renowned master contemplates the artistic problems which concerned all the "brothers" at the dawn of their writing youth, "general" mentions of the Serapion brothers in the context of the current dwellings on literature and art. Nevertheless, in the diaries of the period in question, certain writers connected by their general past of the "brothers" come to the foreground. Among them, first of all, are Vs. Ivanov, N. Tikhonov, M. Zoshchenko, V. Kaverin, M. Slonimsky, N. Nikitin. Each of them is an object of Fedin's scrutiny, who responded to all the personal and creative events in the life of the "brothers". The article presents, among other sources, previously unpublished materials, which provide a means of identifying the role of Serapion brothers on the pages of Fedin's diaries of 1946–1968. They make it possible to include these references in the context of how the relationships of the writers – the former members of the group – developed, and to determine the degree to which this literary phenomenon influenced Fedin's life.

Keywords: K. Fedin, Serapion brothers, writer's diary, ego-documents, Vs. Ivanov, N. Tikhonov, M. Zoshchenko, V. Kaverin, M. Slonimsky, N. Nikitin, Soviet literature

For citation: Grigorieva M. V. Serapion brothers on the pages of K. A. Fedin's diaries of 1946–1968. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 400–407 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-400-407>, EDN: EIMYIS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Существование яркого литературного содружества «Серапионовы братья» было недолгим. Период их активного взаимодействия и совместного литературного быта с 1921 по 1924 г. хорошо описан и изучен современными исследователями. В особой атмосфере братской любви, воспетой молодыми писателями, аполитичности и единого стремления к правдивости творчества, в постоянных литературных дискуссиях рождались и воспитывались незаурядные творческие индивидуальности. Причастность к высокой идее братства как союза, основанного на принципах свободы от эстетических и идеологических установок, наложила отпечаток абсолютно на всех его членов. Каждый из них, несмотря на разность дальнейших судеб, стремился сохранить этот дух на протяжении всей жизни, что нашло отражение на страницах их воспоминаний и эго-документов.

Дневники К. А. Федина, относящиеся ко времени активной деятельности «Серапионовых братьев», не сохранились, поэтому материал для изучения жизни как группы, так и ее отдельных участников можно найти только в эпистолярном наследии писателя. К дневникам более позднего периода в поисках такой информации исследователи практически не обращались, очевидно, считая, что после 1929 г. Серапионы как явление окончательно исчезли из литературной жизни. В настоящей статье мы попытаемся проследить, какое место на страницах дневников Федина 1946–1968 гг. занимают Серапионовы братья, включить эти упоминания в контекст развития взаимоотношений писателей – бывших участников группы, определить степень влияния этого литературного явления на жизнь Федина.

В отличие от ранних дневниковых записей, в поздних дневниках Федина «серапионовская» тема занимает крайне скромное положение. Давно сошли «на нет» традиционные празднования (даже в узком кругу) годовщин образования братства. Одна из таких редких встреч, лишь отдаленно напоминающая прежние посиделки, прошла у Вс. Иванова 1 февраля 1957 г. В гостях были Федин, Е. Полонская и В. Каверин. В дневнике Федин записывает, что прочитанная Кавериним глава воспоминаний о Лунце и Зоценко всем присутствующим понравилась, в том числе документальной точностью характеристик как самих героев, так и университетской молодежи Петрограда 1921 г.

И в конце с теплотой замечает: «Вечер оставил по себе хорошее чувство, и я рад» [1, с. 420].

Последнее упоминание о годовщинах относится к 1966 г., и эта запись предельно лаконична: «В. Каверин. 1.II.1966. 45 лет годовщины Серапионов» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 1 февраля 1966 г. НВГМФ 5610/31¹). Незадолго до этого Каверин подарил Федину книгу своих воспоминаний с дарственной надписью «Дорогому Косте – брату во Серапионе на память о нашей милой молодости. В. Каверин. 15.I.1966» [2]. Сейчас этот экземпляр хранится в ОРКиРЗНБ им. В. А. Артисевич в коллекции изданий из собрания Федина как свидетельство последнего дружеского участия перед публичным отречением Каверина от бывшего «брата» Федина в 1968 г.

Небольшие рефлексии уже состоявшегося писателя касаются проблем творчества, волновавших всех «братьев» на заре их писательской юности. Например, 23 июля 1951 г., размышляя о прочитанных письмах Ж. Санд от 18 мая 1875 г. и 12 января 1876 г., адресованных Г. Флоберу, Федин сожалеет о том, что ему не довелось ознакомиться с ними гораздо раньше – в эпоху Серапионов. Что уже тогда ему бы стали ясны многие вопросы, ответы на которые так и не отыскались в жарких дискуссиях молодых писателей. Очень близки были Федину рассуждения Ж. Санд о чрезмерном значении, придаваемом словам, о форме произведения, которую писательница считала не средством, а следствием мыслей и чувств, аккумулярованных в самом содержании, о том, как важно для читателя понять истинный авторский замысел. Самый глубокий отклик нашла в нем мысль о том, что «невторжение “личных взглядов автора в литературу” является “скорее отсутствием убеждений, нежели эстетическим принципом»» [1, с. 227–228]. Федин вспоминает, что споры о «невторжении» были главным содержанием их собраний на Мойке в 1921–1924 гг.

Миф о нарочитой аполитичности братства был в значительной мере основан на программной статье Л. Лунца «Почему мы Серапионовы братья»: «С кем же вы, Серапионовы Братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?»

С кем же мы, Серапионовы Братья?

Мы с пустынным Серапионом» [3, с. 31].

¹ Здесь и далее даются ссылки на учетные номера предметов научно-вспомогательного фонда Государственного музея К. А. Федина.

В поддержку этого постулата работали и опубликованные в журнале «Литературные записки» (1922, № 3) автобиографии «братьев», их публицистические выступления тех лет. Однако полного ухода от политических и социально-экономических реалий это не означало: «Петроградские Серапионы не могли оказаться вне политики, как не оказались вне политики и немецкие Серапионовы братья. Речь шла о необходимости сопротивления давлению внешних сил, стремящихся исказить внутреннее содержание творчества членов группы» [4, с. 247].

Лунц утверждал, что у каждого отдельного члена группы и в жизни, и в творчестве есть своя идеология и свои политические убеждения. Но как братство они выдвигали единственное требование: «...чтобы голос не был фальшив. Чтоб мы верили в реальность произведения, какого бы цвета оно ни было» [3, с. 31].

С самого момента возникновения «Серапионова братства» оно не было однородным ни в общественно-политических, ни в литературных пристрастиях. И рано или поздно эти различия должны были развести участников в разные стороны. В дневнике 25 декабря 1960 г. Федин пишет, что участники группы хорошо сделали, что вовремя разошлись, так как это помогло почти всем из них сохранить свою индивидуальность. Оставив за плечами эту школу, каждый Серапион отправился искать свой собственный путь.

С течением времени «общие» упоминания о Серапионах на страницах дневников Федина становятся все реже и, как правило, возникают на периферии основных размышлений и наблюдений. Писатель вспоминает О. Д. Форш как «молодость серапионов, теперь уже стариков» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 18 июля 1961 г. НВГМФ 5610/31), размышляет об отсутствии дифференциации в оценках критиков, «до сих пор сваливающей серапионов в одну кучу, словно из страха, что разобрав их порознь, она уготовит им слишком большую славу...» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 30 мая 1958 г. НВГМФ 5610/28). На первый план в дневниках рассматриваемого нами периода выходят отдельные писатели, объединенные общим «братским» прошлым: Н. Тихонов, И. Груздев, Н. Никитин, М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Каверин, М. Слонимский, Е. Полонская. С каждым из них связан свой «сквозной сюжет», если он возможен в жанре дневника. Рассмотрим некоторые из них.

В литературных биографиях Федина и Тихонова большую роль сыграла активная общественная деятельность, отвлекающая их от непосредственного писательского труда. И тот,

и другой занимали руководящие посты в Союзе писателей СССР, неоднократно избирались депутатами Верховного Совета РСФСР и СССР. На страницах дневника часто упоминаются их встречи на официальных мероприятиях, участие в одних и тех же заседаниях. Высокое положение обязывало соблюдать определенный протокол, но в личных записях можно увидеть, насколько иронично оценивалось происходящее. 12 декабря 1946 г. Федин описывает, как проходило празднование в Союзе писателей 50-летия Николая Тихонова: «Довольно тепло, без мертвечины, но и недалеко от обыкновенного юбилея. Он все это принял серьезнее, чем следовало бы. Мария Константиновна (жена Н. С. Тихонова. – М. Г.), еще непривыкшая к сановитости положения, глядя молящими и все видящими глазами, спросила меня: “что сказал бы Лева Лунц, если бы все это видел?” Но сейчас не то время: юмора уже ни у кого не осталось» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 12 декабря 1946 г. НВГМФ 5610/10). Юбиляр прочел гостям несколько стихотворений из нового цикла о Югославии. По словам Федина, то, что его товарищ снова начал писать хорошие стихи, стало самым приятным впечатлением этого вечера.

Способность радоваться творческим удачам друг друга всегда отличала членов Серапионова братства. Такая поддержка не была безоглядной: анализируя сильные стороны Тихонова как наблюдателя и рассказчика, Федин отдает отчет и в его неспособности упорядочить поток этих впечатлений. Он описывает в дневнике обед, устроенный 18 мая 1952 г., где Тихонов, ни на секунду не теряя внимания собравшихся, около семи часов рассказывал об Индии. Константин Александрович сравнивает услышанное с песком, гонимым смерчем и бесследно развеваемым по пустыне. Говорит о том, как опасно бесконечное накопление этих образов, поскольку чем больше их становится, тем меньше остается возможностей их собрать и дать им какой-нибудь строй. Далее Федин говорит о том, что художник должен уметь себя сдерживать и отказываться от излишних впечатлений. Задается вопросом, напишет ли Тихонов когда-нибудь нечто обобщенное и глубокое? Не помешает ли ему в создании полной картины невозможность остановиться на одной точке из сотни им изученных? Ведь только отринув лишнее можно найти ту единственную, что выразит всю прелесть местности и весь ее дух. Как считает Федин, пока Тихонову это не удавалось: «...он бежит и бежит. А бег ведь должен скоро кончиться. Где же пейзаж?.. Синтез, синтез – вот его ахиллесова пята!» [1, с. 254].

Несмотря на то что писатели, казалось бы, уже давно состоялись и не нуждались так остро, как прежде, в ободрении и поддержке, привычка откликаться на новые произведения друга оставалась. Прочитав в рукописи роман М. Слонимского «Инженеры», Федин замечает: «Он пишет лучше, чем прежде, и я похвалил его даже несколько более щедро, нежели роман заслуживает (вещь не закончена, это первая часть)» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 16 августа 1949 г. НВГМФ 5610/13). Во внутренней рецензии для редколлегии журнала «Новый мир» Федин резюмировал, что это произведение свидетельствует о творческом росте М. Слонимского: «Очень энергична вся экспозиция романа, сразу ставится тема, задача произведения, язык стал богаче, при всем лаконизме, образы героев отчетливы и (что раньше не удавалось автору) зримы, одушевлены» [5, с. 535]. Сам Слонимский был уверен в том, что «Инженеры» напечатаны при деятельном участии Федина, благодаря его авторитету и непосредственному влиянию. Как он вспоминал позднее: «Вообще Федин тех лет был спасением не только для меня» [6, с. 147].

Хотя жизнь бывших Серапионов не всегда и не у всех складывалась благополучно, самым нуждающимся в помощи был, несомненно, Михаил Зощенко. После известного постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 1946 г. и последующего за ним исключения из Союза писателей его жизнь изменилась на целое десятилетие. Разрыв договоров с отдельными журналами и издательствами, изъятие его книг из библиотек и запрет на издание новых произведений были полным отлучением писателя от литературного дела. Его жена В. В. Зощенко впоследствии вспоминала, как тянулись эти долгие, тяжелые годы, наполненные для Михаила Михайловича подвижническим, упорным, беспросветным и неблагодарным трудом: «Годы тяжелой трудной жизни, полной неуверенности в завтрашнем дне, неуверенности в зарплатке, в “куске хлеба”, жизни, граничащей с нищетой...» [7, с. 334]. Та же картина рисуется и в дневниках Федина после их встречи: «Очень изменился. Даже глаза переменились – не по выражению, а ф о р м о й. Только редкий проблеск старой улыбки и сквозь нее – вдруг горький вопрос, или – нет: испуганный вопрос: “ты думаешь – я выстою?..”» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 19 апреля 1948 г. НВГМФ 5610/11). Или записанный 2 сентября 1949 г. разговор с Зощенко о «счастье», вернее, о создании образа современного счастья, который Михаил Михайлович как идею фикс искал в своих книгах. Федин считает невероят-

ным, что об этом он говорил с самым несчастным, по его мнению, писателем современности. В спасении Зощенко Федин принимал участие в первую очередь материально. Он неоднократно одалживал ему денег на оплату квартиры и прочие текущие расходы, оказывая такую помощь предельно деликатно. Узнав из письма В. Зощенко о том, что им приходится продавать вещи и занимать деньги у бывшей домработницы, 8 февраля 1953 г. Федин посылает Михаилу Михайловичу небольшую сумму, чтобы облегчить его бытовые трудности: «Не посетуй на меня – делаю это от души» [7, с. 358]. Но куда более существенной была его помощь в улаживании отношений Зощенко с различными «литературными» инстанциями, включая Ленинградское отделение Литфонда, секретариат СП СССР, в содействии издания книги Зощенко «Избранные рассказы и повести 1923–1956» (Л., 1956). Еще одним серьезным шагом на пути «реабилитации» Зощенко стало включение статьи о нем в книгу Федина «Писатель. Искусство. Время» (1957). Получив от Зощенко отклик, Федин пишет: «Письмо Зощенки трогательно и трагично. Он так приучен за это десятилетие к плохому, что страшится – не было бы хуже после нежданной радости моей статьи» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 13 декабря 1957 г. НВГМФ 5610/27). Действительно, в очень взволнованном письме Зощенко выражает свое опасение, что из-за этой статьи вся книга Федина подвергнется нападкам, в том числе и через негативные отклики именитых ученых-филологов, говорит, что это бы очень огорчило его, но с надеждой заключает: «Ну, да бог милостив! А, в общем, благодарю тебя, мой старый друг, за то, что ты захотел вырвать из плена мой почти погасший дух» [7, с. 368].

Федин хорошо представлял себе, как это тяжело – быть оторванным от литературной жизни, не иметь возможности творить в полную силу, хотя его самого больше беспокоил другой аспект – отсутствие возможности сосредоточиться непосредственно на писательском труде. Творческое бессилие – одна из главных тем в дневниковых записях после 1950 г. В это время в жизни Федина лавинообразно возникали дополнительные общественные нагрузки: участие в международных Конгрессах сторонников мира, деятельность на посту депутата Верховного совета РСФСР, а затем и СССР, выборы в состав Правления Союза писателей СССР, избрание Председателем Московского отделения СП СССР и т.д. Все это забирало время и силы. Невозможность сопротивляться ежедневной рутине,

которую Федин сравнивал с борьбой с ветряными мельницами, медленно, но верно порождала болезнь бесплодия: «Я был все время занят. То есть я с утра до ночи сидел за столом, но ничего не сделал такого, что было бы достойно названия “р а б о т а”. Вместе с тем меня очень часто отрывали от моего сиденья и увлекали на всяческие предприятия, которые тоже никак нельзя назвать работой, но которые создавали еще большее впечатление занятости и крайне меня утомляли. Я изо всей силы уклонялся от этих ничего не стоящих дел и рвался к своему ничего не стоящему сидению за столом» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 1 января 1950 г. НВГМФ 5610/14).

Это состояние писательской беспомощности, очевидно, не могло укрыться от его окружения, куда входил и самый близкий ему из Серапионов – Всеволод Иванов. Описывая вечер, на котором присутствовали Вс. Иванов с В. М. Ходасевич, Л. И. Толстой и Н. А. Пешковой, Федин замечает, что время прошло на редкость приятно, что собравшиеся – друзья и вдовы друзей – говорили больше о настоящем, чем о воспоминаниях 20-, а то и 30-летней давности. Когда в разгар беседы оживленный Иванов спросил Федина, пишет ли тот роман, Константин Александрович не смог сразу ответить. «Тогда он [Иванов], сразу поняв, приободрил меня: “ты, ничего, ничего!.. Я тоже совсем не пишу!” ... И потом, будто вынув у меня изо рта, горячо начал объяснять – почему невозможно писать. Это была фотографическая копия моего состояния!» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 16 января 1952 г. НВГМФ 5610/15).

Менялись периоды притяжения и отталкивания, внутренних споров и разногласий, но в основе своей их взаимоотношения были теплыми и доверительными. Федин неоднократно на страницах дневника характеризует их общение как легкое и сердечное, где все понималось с полуслова, без необходимости разъяснять себя и выслушивать разъяснения собеседников. Их тесному общению во многом способствовало соседство по дому в Лаврушинском переулке в Москве и по даче в Переделкине. В дневниках постоянно упоминаются их соседские хождения друг к другу, дружеские обеды, спонтанные посиделки: «Сегодня вечером зашел к Ивановым. У них была Е. А. Пешкова с мужем и В. Ходасевич. Очень приятно было, просто и непринужденно. <...> Болтали о всякой житейской чепухе» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 21 ноября 1953 г. НВГМФ 5610/20). Или такой пример: 14 апреля 1955 г. Иванов прислал Константину Александровичу записку с приглашением за-

глянуть в гости. Там Всеволод прочитал ему и Н. П. Бажану вставную новеллу из четвертой книги «Похождения Факира» – романа «Мы идем в Индию». Федин характеризует ее как узорчатую, пышную и занятую. И в заключение делится общим впечатлением: «Как в давние годы. Мы втроем заходим – уже поздно вечером – ко мне и кейфуем за коньяком и под литературный разговор, каких теперь у нас в быту немного. Славный вечер» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 14 апреля 1955 г. НВГМФ 5610/23).

Именно такое «литературное» общение лежало в основе той тесной связи между Серапионами, которую практически каждый из них пронес через всю жизнь. Их братская дружба носила совершенно особый характер, отличный от обычной привязанности и симпатии. В дневниковой записи от 6 марта 1945 г., сделанной после смерти его близких друзей А. Н. Толстого и В. Я. Шишкова, Федин пишет: «...Моя связь с серапионами носила окраску совершенно литературной дружбы и строилась на понимании мастерства, на литературном родстве, даже, пожалуй, на литературной биографии. А дружба сердечная, человеческие привязанности, “приязни” росли на другой почве, в стороне от “единомышленников”» [1, с. 100].

Несмотря на возникшую с годами разобщенность, бывшие «братья» продолжали традицию чтения друг другу и обсуждения вновь написанных произведений. Их подробный анализ часто находил отражение на страницах дневника. Интересен разбор трех прочитанных ему и Каверину актов пьесы Иванова «Ломоносов»: «Это уже пятый вариант. Отдельные куски очень талантливы. Словарно еще не все найдено. Длинно. Третий акт содержит по меньшей мере четыре конца. Нет подъема, весь рисунок действия похож на кардиограмму большого пороком сердца. Ломоносов мало отчетлив. Хороша Нарышкина и второстепенные фигуры» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 8 мая 1950 г. НВГМФ 5610/14). А несколько недель спустя, 29 мая 1950 г., сам Федин читал Никитину начало своей статьи о Л. Н. Толстом: «Он [Никитин] уговаривает писать книгу, а не статью, – считает, что даю новый образ, разрушающий сложившееся представление о Толстом, и что надо так же широко показать существенные для нас периоды биографии Толстого, как развернуты ранние периоды в начале статьи» [1, с. 195]. Сам Федин находил, что ему важно было дать переломные моменты биографии Толстого и установить зависимость его личности от общественных кризисов. Он считал, что весь образ Толстого сложился как продукт

этих слов и что Толстой – это один из типов русской интеллигенции первой половины XX в. В беседе с Никитиным он изложил свою концепцию, заметив, что размер вещи, над которой началась работа, – вопрос второстепенный, но, конечно, это не будет книгой: «Разговор о жанре: мнение Никитина – “портрет” (неверно уже потому, что если – книга, то какой-же “портрет”?); моё – “история писателя”, – история становления личности (в связи с историей общества или на фоне последней)» [1, с. 195].

Обращает на себя внимание степенность в описании последнего разговора, подобранное для этого слово «уговаривал». Видно, что с возрастом в обсуждениях бывших «братьев» полностью исчезли резкость оценок, молодая горячность, остались только четкая аргументация своей позиции и, неожиданно, деликатность. Возвращаясь к упомянутому выше «Ломоносову», приведем запись, в которой Федин фиксирует впечатления от просмотра этой пьесы, поставленной в МХАТе Б. Н. Ливановым. Что в первую очередь бросилось в глаза – то, что в спектакле автор оказался на последнем месте после художника, актеров и режиссера-постановщика: «Я признался Нине, что у меня не хватит мужества сказать до конца свое мнение о пьесе Всеволоду: почти 4 года работал он над текстом и написал 17 вариантов... И зачем сейчас на эту рваную рану сыпать соль правды? Драматургически “Ломоносов” вещь слабая. Есть и просто плохие места, например, 3-й акт. Впечатление в целом: альбом иллюстраций к общеизвестной биографии ученого. Страницы большей частью очень хороши, живопись пышна, рисунок верный, но страницы чересчур медленно перелистываются и иногда много повторяются. В литературном отношении старый и уже неисправимый недостаток Всеволода – зыбкость языка» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 12 мая 1953 г. НВГМФ 5610/18).

Создается впечатление, что в восприятии Федина некоторые Серапионы так и не смогли преодолеть какие-то устоявшиеся стилистические проблемы. Выше уже была упомянута «ахиллесова пята» Тихонова. А так, например, было оценено творчество Каверина: «Читал начало нового романа Каверина. Как всегда, странное впечатление вырезанных из картона человечков, расставленных в очень хорошо обдуманном порядке» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 10 июля 1949 г. НВГМФ 5610/13). Сравнивая затем «Открытую книгу» Каверина с только что оконченным романом В. П. Катаева «Катакомбы», Федин отмечает, что и в том, и в другом произведении нет ничего самостоятельного, что

они избыточно наполнены ссылками на разных классиков. «Но благодаря талантности, его [Катаева] человечки ближе все-таки к человечкам во плоти, а не в картоне» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 10 июля 1949 г. НВГМФ 5610/13).

Достаточно резкие оценки мастерства Каверина берут начало в давнем противостоянии Серапионов, разделившихся на два крыла: «западное», состоящее из «сюжетников» Лунца и Каверина, и «восточное», куда были причислены «бытовики» Зоценко, Федин, Иванов, Слонимский. Каверин вспоминает, что это был спор, не похожий на обычные прения молодых прозаиков и поэтов. В тех было что-то случайное, менявшееся от месяца к месяцу, а здесь речь шла об основном – о столбовой дороге советской литературы. «Не знаю, можно ли сравнить его со спором между “западниками” и “славянофилами”, но в настойчивом стремлении убедить противника, хотя бы это стоило самой жизни, было что-то очень серьезное, быть может, уходящее к истокам этого классического спора» [2, с. 192].

Федин записывает впечатления от работы секции прозы Московского отделения СП СССР, где обсуждали первую часть романа Каверина «Открытая книга»: «Говорил. Напрасно: наши представления о литературе и даже о мастерстве по-прежнему различны. Каверин – механик» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 20 февраля 1950 г. НВГМФ 5610/14).

Однако до определенного момента эти творческие противоречия не накладывали тотальный отпечаток на все возможные грани взаимодействия. В дневниках имеются свидетельства и их теплых отношений: подаренный Фединым Каверину перевод стихотворения И. Гете «Карлсбад» на память о времени, проведенном в Карловых Варах, упоминания о совместном просмотре по телевизору юбилея 90-летней актрисы Малого театра А. А. Яблочкиной, об «очень хороших» рассказах Каверина об археологических раскопках в Новгороде и написанной им пьесы на эту тему. Да и в некоторых вопросах литературоведения, например в размышлениях о судьбе традиций классических жанров, они придерживались схожего мнения. Так, после прочтения философско-сатирического диалога Д. Дидро «Племянник Рамо» Федин замечает и считает поучительным тот факт, что двести лет назад споры об искусстве ничем не отличались от современных: «Вчера говорил об этом с Кавериним, и мы согласились, что проблематика, например, теории “изящной” литературы была и во времена Софокла почти той же, что в канун французской революции, и на тот же лад варьируется теперь» [1, с. 347].

Еще в 1951 г., в очередную годовщину Серапионов, Федин делает такую запись: «1. II. – Был Каверин с женой. Очень подробно вспоминали все перепутья. Тридцать лет! И несмотря на великую разность с ним – много одинаково понятого» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 1 февраля 1951 г. НВГМФ 5610/14). Однако современная литературная жизнь проложила глубокую трещину между бывшими «братьями».

В других случаях разлад, образовавшийся много лет назад, наоборот, сглаживался «на пороге вечности». Так произошло и в отношениях Федина и Никитина. В самом начале их знакомства они были вполне дружескими, что подтверждается их письмами и сделанной «с сердечностью и радостью» [8, с. 72] дарственной надписью на книге Никитина «Рвотный форт» (1922). Сближала их и совместная работа в писательской артели «Круг». Однако отношения Никитина с Федем и остальными Серапионами были далеко не безоблачными и часто находились на грани разрыва. Напряжение начало нарастать после сближения Никитина с Б. А. Пильняком и их совместной поездки по Европе. Многие Серапионы стали очень критично отзываться о его заграничных очерках и новых книгах, рассматривая их как «неприкрытую дрянь и халтуру» [9, с. 30]. Отторгался не только низкий литературный уровень его новых произведений, но его общественно-политическая позиция. Высшей точки конфликт достиг после того, как Никитин взял на себя смелость поставить групповую подпись «Серапионовых братьев» под заявлением пролетарских писателей в связи со смертью Ленина, опубликованным в газете «Петроградская правда» 27 января 1924 г. После этого по инициативе Федина, «братья» решили больше не видеть Никитина, и последний «отпал» от Серапионов.

Из переписки конца 1930-х гг. и поздних дневниковых записей становится ясно, что давний конфликт постепенно был исчерпан и отношения полностью возобновляются. Никитин становится частым и желанным гостем в доме Федина, нередко гостит на даче в Переделкине. Эпистолярный свидетельствует о том, что они живо и искренне могли обсуждать творческие проблемы, делиться новыми замыслами. Но наедине с собой, а именно так оценивается нами искренность личного дневника, Федин расставляет другие акценты. Незадолго до смерти Никитина, навестив его в ленинградской больнице, Константин Александрович осознает, как дорог стал ему этот исхудавший, пожелтевший,

задыхающийся от каждого движения человек. Выдвигая предположение о том, что ощущение близкой смерти сближает, Федин вспоминает, что никогда не был особенно близок с Никитиным. Что в раннюю пору Серапионов тот стремился тесно дружить с Пильняком и, увлеченный своим успехом, быстро отдалялся от братства. Что и в последующие долгие годы между ними случались целые полосы безразличия друг к другу и даже чуждости. Они были не больше чем приятели. Федину всегда казалось, что Никитин пишет ниже своих возможностей, предпочитая игру с модой и оригинальность экспериментов. Признавая незаурядную одаренность «Брата-Ритора», одновременно говорил о недостатке у него самокритичности и в доказательство вспоминал тот факт, что внешнюю одежду Никитин всегда предпочитал другим достоинствам. Федин пишет об этом последнем, как оказалось, свидании: «У меня было чувство, что мы прощаемся. И он стал мне дорог не из одного сочувствия. В нем стало видно все лучшее, все подлинное. Он сделался глубже. <...>

Мы были рады встрече, насколько так можно сказать, когда оба думают о смерти и один все сводит к ней, а другой старается увлечь и приманить его жизнью, и – значит – один правдив, другой невольно лжив. Не мог же я говорить, что он, скорее всего, прав, ожидая неминуемого конца²...» (К. А. Федин. Дневниковая запись от 5 июня 1962 г. НВГМФ 5610/31).

Так дневник как основной эго-документ становится местом, где автор может писать в полную меру своего голоса, фиксируя не столько факты (хотя с источниковедческой точки зрения дневники предоставляют наиболее достоверный материал), сколько переживания. Обращение к нему позволяет исследователям максимально точно реконструировать личные и творческие связи писателя на протяжении конкретного исторического периода.

Анализ представленных материалов позволяет сделать вывод, что участие в группе «Серапионовы братья» имело для Федина огромное значение и оказывало на него влияние даже многие годы после прекращения существования содружества. Сопоставление дневников 1946–1968 гг. с другими документальными источниками дает ключи к пониманию взглядов Федина на феномен «Серапионовых братьев» и самоидентификации писателя в разные периоды его жизни.

² Н. Н. Никитин умер 26 марта 1963 г.

Список литературы

1. Федин К. А. Собр. соч. : в 12 т. Т. 12. Дневники и записные книжки 1928–1968. М. : Художественная литература, 1986. 623 с.
2. Каверин В. А. «Здравствуй, брат, писать очень трудно...»: портреты, письма о литературе, воспоминания / ред. Е. И. Изгородин. М. : Советский писатель, 1965. 256 с.
3. Лунц Л. Н. Почему мы Серапионовы братья // Литературные записки. 1922. № 3. С. 30–31.
4. Коновалова Л. Ю. Серапионовы братья: миф и мифологема // Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. К 90-летию образования литературной группы : материала Междунар. науч. конф. (Саратов, 12–14 октября 2011 г.). Саратов : Орион, 2011. С. 242–250.
5. Переписка К. А. Федина и М. Л. Слонимского / вступ. ст., подг. текста и ком. И. В. Ткачевой, Т. Б. Семеновой // Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века : в 2 кн. / редкол.: И. Э. Кабанова (сост.) [и др.]. Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН ; Саратов : Гос. музей К. А. Федина, 2018. С. 336–690.
6. Слонимский М. Л. Записи, заметки, случаи // Звезда. 2010. № 8. С. 136–170.
7. Переписка К. А. Федина и М. М. Зощенко / вступ. ст., подг. текста и ком. Т. А. Кукушкиной // Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века : в 2 кн. / редкол.: И. Э. Кабанова (сост.) [и др.]. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 331–370.
8. Библиотека К. А. Федина. Т. 1. Книги с дарственными надписями : сводный каталог / под общ. ред. М. В. Григорьевой. Саратов : ИЦ «Наука», 2022. 534 с.
9. Письма Н. Н. Никитина К. А. Федину 1920–1930-х гг. / публ. И. Э. Кабановой // Из истории литературных объединений Петрограда – Ленинграда 1920–1930-х годов : Исследования и материалы / отв. ред. В. П. Муромский. Кн. 2. СПб. : Наука, 2006. С. 27–66.

Поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 10.09.2023
The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 10.09.2023